

УДК 1:316.485.26

**ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Е.В. Иванова, Г.С. Зайцев

Рассматривается явление современного терроризма как идеологии и практики насилия. Выделены основные характеристики современного терроризма.

Ключевые слова: терроризм; террор; террорист; идеология; эмоции; смысловые установки; культовый терроризм; светский терроризм; Интернет; пропаганда терроризма.

**TERRORISM AS THREAT OF NATIONAL AND PUBLIC SECURITY IN THE CONTEXT
OF SOCIO-CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS**

E. V. Ivanova, G. S. Zaytsev

The phenomenon of modern terrorism as an ideology and practice of violence is considered. The main characteristics of modern terrorism are allocated.

Key words: terrorism; terror; terrorist; ideology; emotions; semantic attitudes; cult terrorism; secular terrorism; Internet; propaganda terrorism.

Терроризм в современном мире признается главной среди глобальных угроз, затрагивающих жизненно важные интересы всего мирового сообщества [1]. Такое внимание к проблеме современного терроризма обусловлено его основными характеристиками: глобальным характером, международной направленностью, политической многоликостью, резко выраженной динамикой изменения внешних проявлений (по формам, методам и средствам). Эти характеристики находят выражение как в масштабах деятельности террористических организаций, так и в последствиях этой деятельности во всех сферах жизни народов и государств. Деятельность современных крупных террористических организаций выходит на международный уровень, а борьба с ними переходит из национальной в региональную и даже геополитическую сферу. В отношении Центрально-Азиатского региона (далее – ЦАР) ряд аналитиков не исключает возможности его превращения в очаг религиозного экстремизма и международного терроризма [2, с. 152], примером чего может служить современный Афганистан, граничащий со странами региона. Поэтому для России и государств

ЦАР в настоящее время борьба с религиозным экстремизмом и терроризмом является стратегической задачей [3].

Как социальное явление терроризм имеет весьма сложную природу, в основе которой лежат политические, экономические, этнонациональные, конфессиональные, социокультурные и психологические факторы [4]. Для выявления сущностной природы терроризма целесообразно осуществить анализ, исследовав ряд однокоренных понятий, таких как “террор”, “террорист” и “терроризм”. Это продиктовано во многом тем, что как обыденном сознании, так и в научной литературе и даже в нормативных источниках, зачастую в рамках указанных понятий происходит смешение их смысловых компонентов. Подобный анализ проводит Д.В. Ольшанский [5, с. 11–66], который предлагает для выделения сущности термина “террор” исходить из его первичного (латинского) значения буквально означающего “ужас”, то есть определенное психическое (эмоциональное) состояние. Деятельность, включающая звенья террорист (субъект) – террористический акт (действие) –

террор (результат) или направленная на формирование этих звеньев, составляет *терроризм* (систему идей и деятельность по их воплощению) как целостное явление. Современное правовое понимание этого термина в целом отражает его социально-психологическое содержание. Так, например, законом Российской Федерации определено, что терроризм – это “идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий” [6].

Обращая внимание на ключевой элемент в явлении терроризма, страх, следует различать его психологическую и философскую трактовку. В таком направлении современной западной социальной философии, как “экзистенциализм”, проблема страха рассматривается в качестве ключевых при объяснении особенностей человеческого бытия [7]. В интерпретации эмоции “страх” в различных ее проявлениях (“тревога”, “отчаяние” и т. п.) обнаруживается существенное различие между психологией и философией экзистенциализма. В психологии “страх” – это эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида (человека или животного) и направленная на источник действительной или воображаемой опасности. В отличие от боли и других видов страдания, вызываемых реальным действием опасных для существования факторов, страх возникает при их предвосхищении. Такой страх, вызываемый непосредственными жизненными обстоятельствами, можно назвать “биологическим (житейским) страхом”. С позиции же философии экзистенциализма, эта эмоция изначально присуща человеку и имеет онтогенетический характер. Она – производное от положения человека в мире, продукт и результат его целостного мировосприятия, так называемый “онтологический страх”. Человек рождается и живет в страхе не потому, что его иногда кто-то или что-то пугает, а потому, что сам мир, в который он приходит, устроен ненадежно, таит в себе опасность потерь, гибели и т. п.

Как и любая идеология, терроризм представляет собой определенную систему взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются сложившиеся социальные отношения, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) этих отношений и общества в целом. Поэтому в качестве идеологии терроризм, помимо такого явления, как эмоция (“страх”, “ужас”), непременно включает явление “идеи” (греч. *idea* – образ),

заключающейся в формировании ряда смысловых установок¹, различных для субъектов и объектов терроризма.

Смысловая установка выражает проявляющееся в деятельности личности отношение ее к тем объектам, которые имеют личностный смысл. Смысловые установки состоят из трех компонентов: информационного (образ того, к чему человек стремится или чего избегает), эмоционально-оценочного (переживаний по поводу объекта) и поведенческого (готовность и предрасположенность действовать определенным образом по отношению к объекту, имеющему личностный смысл). Так, по замыслу террористов для объектов терроризма (жертв) компоненты смысловой установки должны представлять: информационный – образ всемогущества и неуязвимости террористов; эмоционально-оценочный – состояние страха различной степени выраженности (от тревоги до ужаса); поведенческий – пассивность, покорность и готовность выполнять требования террористов.

Примером “технологии” формирования эмоционального фона страха и смыслового образа безысходности у значительной части мирового сообщества может служить террористический акт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Проводившееся вскоре после этого теракта исследование психологического состояния обществ развитых стран показало следующее. Большинство опрошенных представителей ряда развитых стран (США, Германии, Швеции, Франции, Греции и Японии), отвечая на вопрос “Какая эмоция доминирует в их настроении?”, назвали страх. Лидирующее место в этом опросе заняли американцы: страх назвали доминирующей эмоцией в своей жизни около половины женщин и около трети мужчин.

Для субъектов терроризма эмоциональный компонент может распределяться по всему спектру основных человеческих эмоций – от ненависти до безудержного ликования. Однако их деятельность чаще всего отождествляется со смысловой установкой на достижение или восстановление “справедливости”. Практически все террористы стараются подчеркнуть свою нацеленность именно на преодоление зла, которое персонифицируется в зависимости от ориентации террористической организации. Ключевое слово, которым они чаще всего оперируют, – “несправедливость”, которую нельзя дальше терпеть и следует устранить любыми

¹ Установка (в психологии) – целостное, недифференцированное и бессознательное состояние субъекта, предшествующее деятельности, которое возникает при столкновении потребности субъекта и объективной ситуации ее удовлетворения.

ми способами. Несправедливость может быть отождествлена с широчайшим спектром социальных явлений: бедностью, коррупцией, произволом власти, ограничением различных гражданских свобод и т. п. Так, один из идеологов массового террора и терроризма Максимилиан Робеспьер, выступая во французском Конвенте 5 февраля 1794 года, провозглашал: “Если в мирное время орудием народного правления является добродетель, то во время революции оружием его является и добродетель, и террор одновременно: добродетель, без которой террор гибелен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как быстрая строгая, непреклонная *справедливость* (выделено нами – *Е.И., Г.З.*)” [8, с. 210].

Следует отметить, что понятие справедливости, а, следовательно, допустимость используемых средств и уровня жестокости (человечности или бесчеловечности) совершаемых террористами актов в современном мире в основном зависит от социокультурной направленности конкретных террористических организаций – культовой (в основном – религиозной) или светской (мирской).

Террористические организации светской направленности, такие как “Красные бригады” в Италии, РАФ в Германии, ИРА в Ирландии, “Национал-социалистическое сообщество” (НСО) в современной России и др., действуют в целях замены существующего общественного порядка другим, более “справедливым” со своих идейно-политических позиций. Поскольку их деятельность рассчитана на гражданскую аудиторию, живущую по принципам права и гражданской морали.

Светский терроризм, несмотря на свою безусловную жестокость, все же вынужден в большей или меньшей степени ориентироваться на моральные и этические нормы гражданского общества, связанные с пропорциональностью и допустимой оправданностью применения насилия. Светские (националистические, фашистские, социалистические, сепаратистские и т. п.) террористические организации имеют политические цели и рассчитывают на социальную базу в рамках определенного этноса, территории, социального класса. Их основная цель – привлечь внимание к себе и своим программам как можно большую аудиторию, а также ведение переговоров. Для достижения этих целей они вынуждены контролировать уровень жестокости проводимых акций и возможное количество жертв. Превышение определенного уровня насилия, например, сопровождающееся массовыми жертвами, может быть контрпродуктивно для их конечных целей. Проведением террористического акта с многотысячными жертвами они, безусловно, привлекли бы внимание мировой общественности,

но не могли бы рассчитывать на сколь-нибудь широкую поддержку гражданского общества в образе “борцов за идею”, основная масса которого отвернулась бы от них их программ. Поэтому для светских террористов наиболее продуктивными являются не крупномасштабные акты насилия, а более взвешенные по объектам, предметам, силам и применяемым средствам действия.

Для террористических организаций культовой (религиозной) направленности эти критерии не действуют [9]. Их деятельность не ориентирована на земные нормы и представления (политические, социальные или экономические). Она рассматривается в религиозных понятиях и критериях, которые тяготеют к “божественным”, абсолютным, бескомпромиссным категориям и не являются предметом светских (мирских, гражданских) ограничений. Вера не ориентирована на безусловное соблюдение законов формальной логики, на чем строится право и нормы гражданского общества. Для культовых террористов убийство, исполненное как священный акт, не является гражданским или политическим действием. Поэтому они обычно не заинтересованы в переговорах. Их мировоззрение позволяет, следуя “божественным” постулатам, “расчеловечивать” образ противника или людей им несоответствующих. Такая психологическая технология в боевой практике является наиболее эффективной при формировании эмоций ненависти и отвращения к противнику, позволяющих совершение действий, направленных на нанесение ему максимально возможного ущерба. Кроме того, практически любой культ или религия предполагает институт “мученичества” за веру. Совокупность культивируемых эмоций ненависти и презрения в сочетании со стремлением жертвовать собой снимает у представителей культового терроризма практически любые ограничения в масштабах применения насилия, а цель политического или социального влияния сводится к объединению вокруг вдохновляющей идеи – принесение жертвы на мистической почве.

Кроме того логика культового терроризма, основанного на догматах веры и упрощенных терминах “добра” и “зла”, не предполагает компромисса. Для верующих, особенно радикалов и фундаменталистов-ортодоксов, религиозный терроризм является одним из способов присоединиться к силам вселенского “добра”. При этом остальные люди оцениваются по принципу “кто не с нами – тот против нас” и для них предусматривается только два выхода: молчаливое согласие или подчинение, в противном случае – подавление, вплоть до полного уничтожения. Примером такого отношения к мирским (гражданским) ценностям является одно из посланий исламского

террористического лидера Усамы Бен Ладена своим сторонникам. “Право убивать американцев – гражданское население или военнослужащих – это личная обязанность для каждого мусульманина, способного это делать в любой стране, где это возможно делать. Мы с Божьей помощью призываем каждого мусульманина, верящего в Аллаха и стремящегося получить вознаграждение *во исполнение Божьего миропорядка* (выделено нами – Е.И., Г.З.), убивать американцев и грабить их деньги там, где вы можете это делать” [10, с. 25].

Формирование смысловых установок в терроризме, особенно современном, также предполагает включение в систему современных террористических средств информационно-психологических технологий, которые террористы постоянно отслеживают и берут на вооружение. Так в конце XX – начале XXI вв. проявилась заинтересованность террористов в широком освещении их акций в средствах массовой информации, чтобы они получили как можно больший резонанс, оказали воздействие на значительную часть общества и посредством запугивания способствовали бы влиянию на правительства. В эту систему входили такие действия, как публикация в СМИ различного рода манифестов, деклараций, коммюнике, листовок террористов, видеорепортажи непосредственно с места событий, комментарии специалистов, интервью и заявления заложников, а также самих исполнителей террористических актов. Например, они являлись неотъемлемой составной частью сценариев террористических операций, чеченских террористов в период первой и второй чеченских кампаний.

Так, первым и, пожалуй, самым успешным примером комплексного информационно-психологического воздействия для чеченских террористов был захват города Буденновска в июне 1995 г. Формированию образов масштабности, тотальности и бесчеловечности этой террористической акции служил выбор объектов атаки – больницы и роддома. Российское общество и власть оказались не готовы к восприятию столь шокирующих фактов, формирующих установку на тотальность объявленной террористами войны, в которой теперь практически не оставалось категорий населения, на которые бы она не распространялась, а также отсутствие каких-либо правил ее ведения. Следующим шагом в игре на поле массового сознания и манипуляции действиями властей стало требование главаря террористов Шамиля Басаева о проведении пресс-конференции. Следующим шагом терроро-массмедийной постановки был диалог тогдашнего премьер-министра России В.М. Черномырдина и главаря террористов Ш. Басаева, в котором Черномырдин в прямом эфире

ре капитулировал перед требованиями террористов во имя сохранения жизни заложников. Положение усугублялось тем, что СМИ, причем не только зарубежные, но и российские, играя на руку террористам, не доводили до массовой аудитории информацию о наличии такого психологического феномена, как стокгольмский синдром (синдром заложника), заключающийся в том, что общая опасность гибели при штурме заставляет заложников в какой-то мере отождествлять себя с террористами. Показываемые в тогдашних телерепортажах люди, только что освобожденные из рук террористов, в основном выбирались из тех, кто испытывал “синдром заложника”. Результатом данного комплексного террористического акта явилось достижение террористами практически всех поставленных целей при минимальных потерях со своей стороны.

С повсеместным распространением Интернета террористические акции выходят на новый технологический уровень [11]. В качестве иллюстрации возможностей воздействия на эмоциональную и смысловую сферу индивидов и больших групп населения в современных условиях можно привести систему информационного обеспечения исламистских террористических группировок. По сути, для их террористических групп и ячеек Интернет стал новым техническим средством связи, а также полем пропаганды терроризма.

Во-первых, используя возможности Интернета как средства связи, радикальные исламисты развернули в социальных сетях вербовочную, агентурную и мобилизационную работу. Во-вторых, в качестве средства пропаганды Интернет помогает террористам распространять сцены насилия, на порядки увеличивая аудиторию тех, на кого они рассчитаны. С одной стороны – это реальные и потенциальные сторонники террористов, у которых формируют смысловые установки о силе и могуществе террористических организаций. Мусульманские девочки, бегущие в 2015 г. от своих родителей, проживающих в благополучных странах Европы, на пылающий Ближний Восток – показательный пример эффективности подобной пропаганды. С другой стороны, это противник и его реальные или потенциальные сторонники, в отношении которых идет процесс запугивания и формирования установок беспомощности, неполноценности и страха. Например, террористическая группировка “Исламское государство” (ИГ) имеет профессиональные медийные службы и студии, которые специализируются на производстве фильмов отличного качества не только с позиции операторской, но и режиссерской работы, показывающие ритуальные казни, проводимые боевиками ИГ. При этом Интернет и его сервисы позволяют распространять эти фильмы

уже не сотнями и тысячами, а миллионами копий. А относительно скромные по расходам террористические операции боевиков наносят уже не только психологический (запугивание), но существенный финансовый и экономический ущерб противникам исламских террористов.

Сегодня в борьбе с терроризмом государственным институтам и общественным организациям стран ЦАР необходимо разрабатывать меры не только правового, организационного, военного, но и информационно-психологического, а также социокультурного порядка. Эти меры должны быть направлены, прежде всего, на устранение или ослабление причин, способствующих созданию условий для перехода существующих в странах региона протестных настроений среди населения в форму светского или религиозного радикализма с последующей его трансформацией в экстремизм и терроризм.

Литература

1. *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118097.shtml>
2. *Минасян С.* Формирование системы коллективной безопасности СНГ / С. Минасян // Центральная Азия и Кавказ. 2003. № 1 (25).
3. *Денисенко Е.* В ОДКБ ищут способ предотвратить террористические угрозы в Центральной Азии / Е. Денисенко // Вечерний Бишкек. 2015. 12 мая.
4. *Капитонова Е.А.* Современный терроризм: монография / Е.А. Капитонова, Е.Г. Романовский. М.: Юлитинформ, 2015.
5. *Ольшанский Д.В.* Психология террора / Д.В. Ольшанский. Екатеринбург: Деловая книга. М.: Академический проект, ОППЛ, 2002.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 06 марта 2006 № 35-ФЗ "О противодействии терроризму" // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.
7. *Гагарин А.С.* Экзистенциалисты человеческого бытия: одиночество, смерть, страх: от античности до нового времени / А.С. Гагарин. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2001. 372 с.
8. *Робеспьер М.* Революционная законность и правосудие: статьи и речи / М. Робеспьер. М., 1959.
9. *Антонян Ю.М.* Этнорелигиозный терроризм: монография / Ю.М. Антонян, Г.И. Белокуров, А.К. Боковиков / под ред. Ю.А. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2006.
10. *Соснин В.А.* Психология современного терроризма: социально-психологический анализ / В.А. Соснин, Т.А. Нестик. М., 2008.
11. *Нуждин Л.Г.* Информационный терроризм / Л.Г. Нуждин. М.: ИКАР, 2014.